

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ ЮЖНОГО ПООНЕЖЬЯ И ВЕРХНЕГО ПРИСВИРЬЯ

Изучение русского устного народного творчества в районе Онежского озера, на территории бывшей Олонецкой губ., ведется уже более ста лет. Именно на этой территории сделаны ценнейшие записи былин, причитаний, сказок, публиковавшиеся в течение XIX—XX вв.

Однако сказанное относится не ко всему побережью Онежского озера, а лишь к северной и восточной его частям: Заонежью (ныне Заонежский р-н КАССР), Пудожью (ныне Пудожский р-н КАССР) и Каргополью (ныне — район Архангельской обл.). В то же время полевые исследования почти не затронули юго-западное побережье Онежского озера, верхнее Присвирье, деревни и села, расположенные вдоль старого Петербургско-Архангельского тракта.

В XIX—начале XX в. эти местности также входили в состав Олонецкой губ. В настоящее время они распределяются между Подпорожским р-ном Ленинградской обл. и Вытегорским р-ном Вологодской обл.

Причин малой обследованности этого района, видимо, было две: относительная близость его к Петербургу (как известно, этнографы и фольклористы в поисках архаических материалов устремлялись в наиболее отдаленные от культурных и промышленных центров районы) и то, что он считался местом исконного поселения «чудского» племени, потомки которого (вепсы и карелы) и в настоящее время населяют берега Ояти и юго-западного побережья Онежского озера. Между тем, как отмечает А. Н. Насонов, русские погости «Обонежского ряда» появились еще в середине—первой половине XI в. в соседстве с «емью прионежской». Они составляли первый территориальный пояс в северо-восточном направлении, примыкавший к древнейшей приволховской приладожской территории.¹ В источниках упоминаются древнейшие погости на этой территории, в частности в верховьях Ояти — «у Вьюпице» (ныне группа деревень Винницкого сельсовета) и на северо-восток по течению Свири.

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 94, 98.

В писцовых книгах Обонежской пятины XVI—XVII вв. упомянуты три погоста, расположенные в этом районе: Пиркинский, Воскресенский «в Важинах на Свери» и Остреченский. Последний к востоку погост — Юксовский (или Юксола) — был расположен по берегу Юксовского озера (современная деревня Юксовичи и др.).² К Онежскому озеру территория Обонежского ряда выходила только на южной его оконечности и в районе устья Пидьмы. В писцовых книгах XVI в. значатся также погосты вдоль Архангельского тракта: на Оште, на Мегре, Покровский на Вытегре (современное с. Анхимово). Город Вытегра, как известно, был создан на месте б. Вянгинской пристани лишь в XVIII в.³ У впадения р. Андомы в Онежское озеро располагался упомянутый в грамоте 1137 г. Тудоров погост. Наибольшее количество деревень находилось в самых южных погостах: Важинском, Оштинском, Остреченском и Мегрском. По мере удаления от земель Поильменья на северо-восток число деревень и дворов уменьшалось.⁴ Таким образом, южное Поонежье и верхнее Присвирье заселялись русскими в течение XI—XVIII вв., и в XVI—XVII вв. здесь было довольно значительное население. Через эту область проходил первый торговый путь новгородцев на р. Водлу. Второй путь пролегал по Свири—Онежскому озеру—Вытегре (через территорию Вытегорского и Девятирского погостов). В XIX в. здесь проходила сухопутная магистраль на север и водная — по Мариинской системе в Волгу, т. е. на восток; последняя определила занятия и условия жизни населения ряда крупных пунктов, расположенных на территории древних погостов: Важины, Остречины, Вознесенье (крупная пристань), Ошта, Мегра, Вытегра (пристань), Анхимово, Девятины, Бадога (у волока). Жители занимались главным образом «бурлачеством» (проводили суда через пороги и шлюзы), лесным промыслом, торговлей, частично земледелием.

Характер хозяйственной деятельности и бытовые условия, естественно, оказали влияние на состояние местной фольклорной традиции. Архивные и опубликованные источники, важные для ее изучения, довольно ограничены. Среди публикаций второй половины XIX в. есть несколько ценных, позволяющих судить о состоянии поонежской и присвирской фольклорной традиции в то время: тексты свадебных заплачек Остреченской вол., собранных П. Н. Рыбниковым, материалы, собранные и опубликованные П. А. Минорским, Е. В. Барсовым, К. Петровым и др. гими в «Олонецких губернских ведомостях».

В советское время, в 1930—1940-е годы, в районе Вознесенья и Винниц работали ленинградские фольклористы (ИРЛИ), но

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962, с. 55.

³ Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930, приложение, карта.

⁴ Витов М. В. Историко-географические очерки..., с. 103.

опубликованы лишь единичные записи песен.⁵ В 1960-е годы здесь побывала экспедиция Ленинградской гос. консерватории, некоторые записи ее вошли в сборник «100 русских народных песен»;⁶ получить представление о фольклорной традиции Поонежья только по этим материалам трудно. В 1954 г. в Вытегорском районе записывали фольклор студентки филфака ЛГУ.⁷

В 1973—1975 гг. экспедициями ЛГУ под руководством автора была обследована фольклорная традиция Подпорожского р-на Ленинградской обл. — наименее изученной части Поонежья. В эти же годы производились записи в Ундозерском с/с и в нескольких селениях Вытегорского р-на, расположенных на территории бывшего Обонежского ряда: Анхимово, Девятины, Вытегра, Аристово, Ошта, Андома, Самино, Анненский мост. В целом было записано 2300 текстов разных жанров, находящихся в архиве филфака ЛГУ (далее: 74-1 — обозначение записи).

Таким образом, настоящая работа основана на материале, собранном в 50-е и 70-е годы XX в. (ок. 2000 текстов), а также на ранее опубликованных источниках.

Предания. Число преданий здесь невелико; некоторые из них представляют собой местные варианты преданий, известных северной народной традиции.⁸ Три предания говорят о происхождении р. Свири, «зайчиком побежавшей на месяц над Ильмень озером», о преследовании ее волком, заставившим изменить направление и уйти в Нево-озеро; о состязании Свири и Волхова.⁹ Существует предание о реках-сестрах, просивших у отца-озера Онего разрешения отправиться в путь к другим рекам; за непослушание отец хотел засыпать истоки рек песком; образовались «намытые пески», где возник поселок Вознесенье (зап. 1973 г., П. С. Юдин). Имеется несколько преданий о происхождении названий Вонозеро, деревень Шестово, Девятины, Гимрека — в них отразились события XVIII в. Два предания связаны с именем первых поселенцев: девять солдат бежали от 25-летней службы в северные края, построили свои дома на месте Девятина, приняли участие в строительстве канала (зап. 1975 г., А. Анциферова). В д. Гимреке рассказывают, что в лесу на болоте жил старик Гим, к нему сходились недовольные крестьяне

⁵ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949. Л.—М., 1950, № 165, 174, 175, 179, 180, 190, 293.

⁶ Сто русских народных песен. (Материалы студенческих фольклорных экспедиций). Л., 1970.

⁷ Материалы хранятся в Архиве ИРЛИ и Вытегорского краеведческого музея.

⁸ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Изд. подг. Н. А. Криничная. Л., 1978.

⁹ Минорский П. А. Река Свири и ее значение в Олонецком крае. — ОГВ, 1875, № 47, с. 529. По свидетельству автора, одна легенда записана в д. Х..., а другая в д. О... «По возможности, я придерживался тех самых выражений, в которых они были переданы», — сообщает собиратель.

(зап. 1974 г.); в Вытегре сохранилось предание о разбойнике Ремзэ, поселившемся некогда в этих местах. Ряд преданий связан с именем Петра I, посещавшего край в связи со строительством шлюзов, — беседа Петра с крестьянами на обочине Архангельского тракта на «зеленом холме» (названном впоследствии Беседной горой), предание о том, как крестьяне с. Анхимова получили фамилию Обрядины, распространенную там и в настоящее время. Последнее представляет собой местный вариант широко распространенного предания о краже камзола Петра (зап. 1975 г.). Помимо перечисленных преданий, еще в прошлом веке были записаны предания «о панах» (Пудожский, Повенецкий, Каргопольский у.).¹⁰ В целом предания исследуемого района являются органической частью более общей традиции этого жанра; некоторые бытовые подробности местного происхождения говорят о продуктивном периоде этой традиции.

Сказка в Прионежье сохранилась слабо. Записано 42 текста. Сюжеты главным образом бытовые: «Никола Дупленский» (А—А-1380), «Старуха и Солдат» (А—А-1540), «Набитый дурак» (А—А-1696), «Царь и солдат» (А—А-952) и др. Большая часть бытовых сказок записана в пос. Вознесенье (В. Н. Гусева, 81 г.), две — в пос. Ольховец (от Ферисеева, 83 лет). Волшебные сказки, главным образом детские (А—А-327с, А—А-480, А—А-450, А—А-510, А—А-780), записаны в г. Подпорожье (И. М. Трошкова и рассказчицы вепсской национальности).

Песенный репертуар исследуемого района представлен следующими жанрами: песней протяжной, частой плясовой, частушкой, балладой и романсом. Значительную часть репертуара, собранного в 1973—1975 гг., составляют плясовые песни (196 текстов), не считая частушек, многие из которых также сопровождали пляску. Внимание собирателей привлекло то обстоятельство, что большинство песен исполнители определяли как «кадрильные», сопровождавшие кадриль или «ланцы» (лансье).

Хороводных песен жители практически не помнили, только 84-летняя М. В. Медведева из с. Шустручей сообщила, что в ее молодые годы хоровод собирался «на горе», и исполнила два коротких текста, под которые «свивался» и «развивался» хоровод. Дополнить данные о хороводах и исполнявшихся песнях помогают публикации второй половины XIX в. Уже в них намечаются признаки, позволяющие говорить об изживании хоровода в исследуемом районе. Во время летних игрищ наряду с хороводом танцевали кадриль, ланцы, трепак, по-местному «околыше».¹¹ Из других источников известно, что на пасху, кроме «торжка» и «выбивания яиц», увеселений не было, но на Николу происходили «бороть и хороводы, по здешнему игрища».¹² Хоровод со-

¹⁰ Чудские памятники и предания о панах. — Пам. кн. Олонецкой губ. на 1867 год, с. 113; см. также: Северные предания..., с. 55—58.

¹¹ ОГВ, 1897, № 34, 37, 39.

¹² Минорский П. А. Вытегорские Кондуши. — ОГВ, 1874, № 23.

ставлялся с каждой стороны деревни. Участники становились в круг, внутри которого танцевали пары. Следовательно, собственно хороводов — составления, вождения, особых игр и песен — здесь уже в середине XIX в. не было, хотя название «хоровод» существовало. Внутри хоровода пары кружились, взявшись за руки и притопывая ногами, — «на эту пляску выходит всякий, тут не нужно большого искусства». Большего умения требовал трепак — «околыше»: женщина двигалась с плавностью и «грацией в движениях тела», парень выделялся около нее замысловатые фигуры. Для вождения хороводов в Кондушах не существовало специальных песен, пелись песни общеизвестные и наряду с этим замечалась склонность исполнителей плясовых песен к импровизации: «большой частью это переработка известных уже песен на новый лад».¹³ Судя по другим источникам, этими же «новыми» песнями, «частыми», сопровождались «новые» танцы — кадрили, шестерки и восьмерки.¹⁴

Замена старых хороводов новыми танцами происходила, видимо, очень быстро. Как сообщал в начале XX в. собиратель фольклора в Заонежье, «в 70-х годах (XIX в. — И. К.) появляются модные танцы: „кадриль“ и „ланце“. Старинные танцы „без боя“ в два-три года уступили дорогу гармонике и модным танцам».¹⁵ Что касается кадрили, то в наше время исполнительницы старшего возраста (60—70 лет) могли показать, как танцевалась каждая из шести фигур, и сказать, какой фигуре соответствовал напев и текст песни. П. А. Минорский писал, что в селениях, расположенных вдоль водной магистрали, плясовой песенный репертуар неустойчив; данные других источников как будто подтверждают его вывод: все опубликованные тексты разные.¹⁶ Однако наши материалы опровергают это заключение: 196 текстов плясовых песен свидетельствуют о существовании местной традиции, которая проявляется в устойчивом круге сюжетов как плясовых, так и других видов песен. Одни сюжеты типичны для всего региона, другие имели более узкое внутрирегиональное распространение. Так, популярной плясовой песней на Свири и в деревнях Андомского с/с была песня «Сени», ею сопровождалась первая или шестая фигура кадрили. Всюду сообщали ее полный текст, начинающийся словами: «Ах вы сени, мои сени» или «Уж вы сени, мои сени»; в некоторых слuchаях в Андоме с особым прибавлением в начале песни: «Наш хозяин начинает». К числу распространенных относятся также

¹³ Там же.

¹⁴ Песни свирян. — ОГВ, 1868, № 33, с. 594.

¹⁵ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба в Заонежье. Петрозаводск, 1916, с. 45.

¹⁶ Петрова К. М. Олонецкие бытовые песни (Е. В. Барсова). — ОГВ, 1868, № 24—30. (Из 30 песен 12 относятся к обследуемому району); Смирнов И. А. Беседы в Девятинском приходе. — ОГВ, 1873, № 10, 16 (43 текста).

песни «Как на речке на крайчике», «Суковатое девятое бревно», «Я сама себе хорошая кажусь» и др.

Беседным песням, записанным в XIX в., в нашем материале также имеются соответствия: «Ярко светит звездочка», «Что ты, Ванюшка» и др. Импровизационный элемент в плясовых песнях, кроме зачинов в андомских вариантах, проявляется в упоминании местных названий: «Наших кондужских ребят из-за горочки видать», «В Девятинах под горой девки ходят за водой»¹⁷ и т. п.

Репертуар протяжных песен в Подпорожском, Вытегорском и Лодейнопольском р-нах состоит преимущественно из песен нового слоя, многие песни отличаются литературным строем стиха (силлабо-тоника), приближаются к романсу, доля которого в репертуаре велика; некоторые сюжеты определено литературного происхождения. Так, органически вошли в песенную традицию всего южного Поонежья песни на стихи И. З. Сурикова «Сиротой яросла», «Доля», «Словно море в час прибоя», так же как и баллады позднего слоя, вошедшие в традицию в XIX—XX вв.: «В саду ягода малина» («Ванька-ключник»), «На берегу сидит девица», «Однажды жил в Англии царь молодой», «Ехали солдаты со службы домой», «Меж крутых берегов», «Рыбаки». Традиционная протяжная песня в южном Поонежье и верхнем Присвирье представлена все же устойчивым кругом сюжетов: «Недозрелая калинушка», «Комарочки», «Кругом, кругом осиротела», «Экой Ваня», «Я вечер-то своего милого» и др. Общее число сюжетов протяжных песен — 10—12, т. е. значительно меньше, чем плясовых (50). Таким образом, отличительную особенность традиции песни необрядовой изучаемого региона составляет преобладание сюжетов, сложившихся в XVIII—XIX вв.

Обрядовый фольклор. На обследованной территории отмечается почти полное отсутствие «земледельческих» обрядов и соответствующих календарных песен, что вполне объяснимо, если учесть природные особенности края и главные занятия населения (лесное хозяйство, рыболовство, речное дело). В настоящее время нами зафиксированы только некоторые обряды и обычаи, известные русским повсеместно, например святочные гаданья, обычай в Иванов день ходить в лес за вениками и гадать по ним и др.

Из святочных гаданий на территории Поонежья было распространено слушание «на крестах» — перекрестках: девушки становились спинами друг к другу, приговаривая: «Я в черты, черт за черту», в то время как одна из них очерчивала «магический» круг кочергой. Девушки «пололи» снег: «Полю, полю снежок, полю беленький, где собачка залает, там мой миленький (суженый)» или «Залай, залай, собачка, на судимой стороне»; слушали под окнами. Гадали по полену (суковатое или гладкое) — какой

¹⁷ Смирнов И. А. Беседы...; Минорский П. А. Вытегорские Кондужи, № 15, 24.

характер будет у суженого, кормили петуха счетным зерном, клали под подушку гребень или сделанный из спичек «колодец» и т. д.

Свадебные песни. Всего в Подпорожском р-не записано 15 описаний свадебного обряда (цельных и фрагментарных), в Вытегорском — 11 и одна постановка свадьбы на сцене (с. Анхимово). Этот материал дополняет данные П. Н. Рыбникова о свадьбе в Остречинах,¹⁸ три подробные публикации свадебного обряда в ОГВ (д. Кондуши, Немжа, Винницы) и запись 1954 г. в с. Кондуши (одно описание). Наиболее полно записан обряд с 19 текстами причетов от И. М. Трошковой в 1974 г. (Подпорожье).

Сравнение всех имеющихся записей позволяет выделить структуру обряда; отличия современных данных от записей 100-летней давности незначительны. Сватать приезжали под вечер или почью. Диалог со сватами не выражался в иносказательной форме, существовала простая формула: «У пас есть жених, у вас невеста, нельзя ли их вместе свести». Сватов угождали «скаными» пирожками, но ответа сразу не давали; в Подпорожском р-не родные невесты «думу думали». На другой день отправлялись к жениху «с приказом» (74-1, ср.: Рыбн. III, с. 13). По Рыбникову, «рукобитье» или «богомолье» следовало после просватания; по сведениям наших информаторов, оно происходило либо после просвата, либо накануне свадьбы на вечерние (74-1, 3; 75—10). Далее шло катание невесты и ее подруг на конях жениха; в Вытегорском р-не катали только подруг невесты. «Вечерина» (девишик) устраивалась накануне дня свадьбы (иногда на ней же происходило и богомолье), «байна» — перед вечериной. На вечерние невесте расплетали косу, и она прощалась с «волей». Утром в день венца у невесты собиралась ее родня — «родовая», невесту одевали к венцу, благословляли, и свадебный поезд отправлялся в церковь. После венца молодых встречали в доме молодого и осипали их (пухом или житом, пером, крупой). После свадебного пиршества в некоторых местностях зафиксированы проводы ко сну «с погонялкой». Некоторые информаторы в Подпорожье помнили холодную, «шуточную» баню для молодых на другой день после венца, ношение молодою воды, которую гости нарочно распиливали, символическое съедание женихом яичницы (74-1).

Свадебный обряд Поонежья, как и везде, сопровождался песнями. У Рыбникова опубликовано несколько текстов, причем место их записи неизвестно. П. А. Минорский опубликовал 8 текстов; записи обрядов из Немжи и Винниц опубликованы без песен, приводятся только тексты причетов.¹⁹ В 1954 г. в Вытегор-

¹⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III. СПб., 1910 (далее: Рыбн. III).

¹⁹ Минорский П. А. Вытегорские Кондуши, № 28—31; И. Б.-Е. Свадебные обычай Немженского прихода Лодейнопольского уезда. — ОГВ, 1897, № 19; 1886, № 56, 57.

ском р-не было записано 27 свадебных песен; в 1973—1975 гг. записано 190 текстов, т. е. значительно больше, чем песен каждого из других жанров. По словам исполнительниц, песни сопровождали просватанье, проводы в барю, прощание с «волей», расплетание косы, отъезд невесты из дома, свадебный пир. В репертуаре сохранились предвенечные песни невесте, величальные молодым, свадебным чинам, корильные; кроме них, на свадьбе исполнялись лирические песни. Значительное число свадебных песен широко распространено по всей обследованной территории. Наиболее распространенными в предвенечном цикле являются песни со следующими зачинами: «Ты река ли, моя реченька», «Из-за лесу, лесу темного» и «Собирала собор за свой стол». Зачин «Ты река ли, моя реченька» во многих районах России связан с сюжетом песни, обращенной к невесте-сироте: невеста сидит — «не улыбнется», «не усмехнется», потому что нет у нее «батюшки» или «матушки». Песня эта часто заканчивается просьбой невесты к брату поехать на кладбище, разбудить умерших родителей. Зачин «Реченька» в Присвирье и Поонежье почти во всех записанных вариантахочно связан с другим сюжетом: жалоба невесты на то, что ей «недолго жить во девушках» (73-7, 18, 25, 29 — Шуструченский с/с; 36, 53, 83, 84 — Винницы; 2, 3, 8 — Ундозерский с/с; 74-5а — Ольховец; 75-1 — Ошта; 54-5 — Анхимово). В двух вариантах зачин сочетается с песней-утешением подруг: «Мы тебя ведь не в полон дадим... дадим провожатого» (73-84; 74-5а). Зачин «Из-за лесу, лесу темного» в Апдомском районеочно сочетается с таким сюжетом: дочь заблудилась в лесу и посыпает соловья к матери сообщить о том, что ее пасыльно выдали замуж. В некоторых сборниках этот сюжет встречается в песнях лирических необрядовых.²⁰ В обследуемом районе песня эта распространена в деревнях Шуструченского с/с, в Вознесенье, Чик-озере, Юксовичах, по встречается и на территории Вытегорского р-на. Песня «Собирала собор за свой стол» известна главным образом вокруг Винниц и в Апдоме.

Другие сюжеты свадебных песен распространены в пределах района на более ограниченной территории. Так, песня об отплывании трех кораблей и утрате невестой «шеги матушкиной» с зачином «Как от нашего от бережка» известна в Шуструченском и Ундозерском с/с. В д. Озеры и Ладве тот же сюжет связан с зачином «Отлетает наша Апечка»; на территории Вытегорского р-на песня с этим сюжетом не зафиксирована. Неизвестна там и песня, сюжет которой — упреки подруг невесте «изменщице», — широко распространена вокруг Подпорожья, Вознесенья, Винниц с зачином «Уж ты, Машенька, широки (косые) рукава». Из числа ве-

²⁰ Соболевский И. А. Великорусские народные песни, т. III. СПб., 1895, № 47—60; Песни, собранные П. В. Киреевским, нов. сер., вып. II. М., 1929, № 1783, 2089; Торопецкие песни. Зап., сост. и комм. И. Земцовского. Л., 1967, № 82.

личальпых жениху повсеместно исполняли песню «Кто у нас хороший». Внутри региона она различается припевами: «Лешеньки-леши» — на Свири, «Розаль, мой розаль, виноград зеленый, яблучек садовый» — в Вытегорском р-не, главным образом в селах вдоль канала. Также повсеместно распространена песня «У стола ли, стола дубового» (на просьбу жениха расчесать кудри невеста отвечает, что она еще не его слуга).

Традиционность записанных нами в Поонежье и верхнем Присвирье сюжетов и зачинов свадебных песен подтверждается и записями Мппорского, сделанными 100 лет назад: «У стола, стола дубового», «Сборы, сборы». Для свадебного репертуара, судя по этой публикации, характерны были также песни «По сеням, по сепям», «Летал голубь, ворковал» (просьба родить сына), «Спородила ... матушка» (наказ матери жениху отправляться за невестой), «Не японец по горнице катался». В настоящее время зафиксированы единичные варианты этих песен (74-14—16, 75-38). К числу песен, сохранившихся в традиции д. Аристово и г. Вытегры, относится также «Отворялися воротичка», исполнявшаяся по прибытии поезда жениха (74-2, 8а). Минорским опубликован отрывок этой песни из 6 строк. В д. Анненский Мост в момент прибытия свадебного поезда пелась близкая по сюжету песня «Не было ветров». Наряду с сюжетами, издавна составлявшими традицию региона в целом, следует назвать песни, характерные для отдельных местностей внутри региона. К ним относятся «Не в трубопыку трубили» (о расплетании косы невесты) — Андомский с/с, Анхимово, Девятино; «Я не зпала, не ведала» (о расхваливании свахой чужой стороны) — в той же группе деревень; «От терема до терема» (торжественное шествие жениха и невесты) — только в Девятинах; «Из-под яблони вода» (диалог между ними) — Апхимово.²¹

Лирические несвадебные песни в функции свадебных в обсле-
дуемом районе составляют небольшой процент: так, например, в Подпорожском р-не из записанных 120 свадебных песен 21 текст составляют песни лирические необрядовые. В Вытегорском р-не несколько таких текстов было зафиксировано в Андоме, Апхимове, Аппепском Мосту. Песни-романсы «При веселой, при долине» (тема разлуки), «Шла Аньютка из гостей» (плясовая) и «Вдоль по речке, по Казапке» (о чесании кудрей), видимо, прикрепились к свадебному циклу вследствие сходной тематики. Повсеместно — от Вытегры до Девятина — была распространена песня нового романсного происхождения с мелодраматическим сюжетом и литературной структурой стиха «Вскоре, вскоре поезд гряпет».

Говоря о специфике свадебного репертуара внутри региона, следует отметить также более развитой репертуар величаний в Андомском с/с, — в других деревнях тексты их единичны.

²¹ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области, № 293. Собиратели отмечают в комментариях, что аналогичного текста песни в других сборниках не обнаружено.

Сравнение песен, записанных в 1973—1975 гг., с ранее зафиксированными позволяет заключить, что во всех русских поселениях довольно прочно сохранилась традиция свадебной песни: все поздние тексты — полные, хорошей сохранности, выделяется круг сюжетов, распространенных по всей территории Поонежья уже более 100 лет, и паряду с ними существуют песни с сюжетами, характерными для той или иной внутрирегиональной традиции.

Свадебный обряд всех обследованных районов сопровождался развитыми причитаниями. У П. Рыбникова есть несколько текстов вытегорских заплачек и причитаний из Остреченского прихода. В публикациях второй половины XIX в. они представлены 25 пространными текстами (Кондуши, Немжа и Винница). Несколько записей сделаны в Кондушах в 1954 г.²² В 1973—1975 гг. записано 136 свадебных причитаний. Все тексты старой и новой записи характеризуются двухударным девятисложным стихом. Невеста начинала плакать после просвятия, причитала на богомолье (плачи-сетования), перед баней причитала либо одна из подруг, либо все подруги, либо тетка невесты (о том, как то-ни-ли бапю и о приглашении в баню невесты, благодарность невесты). После бани невеста жаловалась на расставание с волей, просила мать или подругу «чесать ей голову», причитанием (диалогом) сопровождалось и само «учесывание». В утро венчания мать плачом будила невесту, последняя обращалась к замужней сестре и та рассказывала о жизни на чужой стороне. Приходящим гостям невеста причитала о «наделении дарами» и благодарила за них; «отдавала волю», причитая по очереди матери, отцу, сестре, подруге. Последний сюжет — обращение невесты к трем праздникам — сретению, введенью, покрову (или успеню) — с просьбой проводить ее из дома и встретить на чужой стороне. Этим кругом сюжетов причитаний ограничивались старые записи. Наши материалы вводят некоторые темы, неизвестные в ранних публикациях: просьба невесты растолковать сон накануне венца и объяснение его символики; моление невесты перед баней, прощание ее с родными (д. Немжа, XIX в.; И. М. Трошкова, 1974 г.). В целом записи последних лет подтверждают устойчивость традиции региональной причети: совпадения обнаруживаются не только в темах, но и в отдельных формулах подпорожских и кондушских причетов, в обращениях к участникам действия. Общность основы свадебного обряда и фольклора подтверждается также сходством ритуального диалога после благословения, когда жениха и невесту ставили под воронец и поочередно спрашивали: «Перед чем стоишь?». — «Перед божьим даром». Как в том, так и в другом описании обряда, кроме осыпания молодых проводов ко сну, никаких особых действий после венца не было.

²² Особый интерес представляют записи обряда с причетами от И. М. Трошковой (родом из д. Пидьма) и от А. З. Обрядиной.

На основании записанных нами причетов Присвирья можно определить последовательность тех ритуальных действий, которые П. Рыбников оставил без обрядовых помет (Остречинский приход и Ладвинский погост): просвatanье, богомолье, вечерина, просьба к брату прокатить с подругами на конях, просьба благословения, просьба благословить в бапю, благодарность бапе, сон утром, о чужой стороне.²³

Внутрирегиональные различия причитаний проявляются в варьировании отдельных композиционных мотивов, в образной системе и словесных формулах.

Ю. Г. Круглов в работе об импровизационном характере свадебных причитаний утверждал, что они в отличие от похоронных мало подвержены варьированию, что варианты их содержат незначительные отклонения.²⁴ Анализируемый материал не подтверждает столь решительных выводов. Полностью двух идентичных текстов из 136 записей и привлеченного для сравнения материала не обнаружено, если не считать, разумеется, повторных записей от одной исполнительницы. Все тексты одного и того же сюжета могут быть охарактеризованы как его варианты, более или менее сходные. Приведем пример традиционного для верховьев Свири и южного побережья Онежского озера причитания с мотивом пошения воды в баню из трех колодцев. В причитании Трошковой «истопницы не вычерпали воды» «из свирепой реки Свири, из угрюмой речки Пидемки, а начерпали ее из Пидъозерского озерышка, у которого берега отванные, донышко золоченое» (74-4). В причитании Милеевой не черпают воду «из колодичка, где чужой чужанин коня поил, богородица купается». В причитании Гарисовой не черпают воду из трех прорубей, где «чужанин коня поил», «уточка купалася», «богородица купалася», а черпают из «быстрой реченьки» (73-12). В стертой форме мотив трех колодцев («с трех колодцев вода пошена») встретился пам в причитании из д. Аристово (75-16). Далее, в Вытегорском р-не, этого мотива в баепых причетах не обнаружено, зато появляется другой мотив — «выбора дров для бани», который в Подпорожском р-не едва намечен («трем дровам да бапя топлела»). В причитаниях из Анхимова, Девятин, Самина, Аристова, Кондшей (зап. 1854 г.) «топильщицы» (истопницы) идут в лес, выбирают дерево сырое, затем сухое, иногда поступают наоборот:

В темный бор да по сухи дрова
(передумывает)
Пойду в бор я по сырьи дрова,
По сырую деревиночку,
Как которая деревиночка
Пятьдесят годов да в воды плавала,
И пятьдесят в песку валялася

(75-13).

²³ Рыбп. III, № 5—7, 14, 40, 42—44, 46, 48, 49, 51, 53.

²⁴ Круглов Ю. Г. Об импровизационном характере свадебных причитаний. — В кн.: Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972.

Данный мотив психологически мотивирован желанием, чтобы баня топилась дольше: «Девушка пусть наволюется, с волюшкой да накрасуется» (75-10). Наиболее ранний вариант мотива «дров для бани» находим в записи 1874 г. из с. Кондуши, расположенного в 20 км от д. Аристово:

Я ходила, красна девушка,
В сухой бор да по сушиночку,
По сухую деревиночку,
Уж я секла поскорешеньку,
Да и колола помелешеньку.²⁵

«Путь в баню» подробно описывается в подпорожских причетах: «мосточки мощеные, перильца золоченые, лавочки открытые, сукна-бархаты дедевые» (Гимрека, Красный бор, Вознесенье). В плачах других местностей этих мотивов нет. Границей их распространения являются также Кондуши:

Есть мосточки калининые,
Перекладинки малиновы,
Есть и сукна кармазиновы,
Есть и садички зеленые,
Есть торговщики молодые.²⁶

Характерно, что образы эти встречаются в причете из Ладинского погоста, примыкавшего к Присвирью:

Мы сместим мосты калиновы,
Постелим сукна кармазинные,
От терема до берега,
До теплой парной баненки.²⁷

В этом же причете встречается трехчленная формула — обращение невесты к праздникам с просьбой проводить ее «во теплу парну баепку»:

Введенье богородица,
Сведи меня, девушку,
... Успенье богородица,
Ты успей меня...
Стретенье господне,
Уж ты стреть меня...²⁸

Аналогичные обращения к праздникам существуют в причтаниях, записанных нами у Трошковой. Ярко разработан в Подпорожском р-не мотив троекратного или четырехкратного «превращения», а затем «исчезновения воли»:

Что на каменку садилася,
Белым паром обличилася,
По полку воля каталася,

²⁵ Мииорский П. А. Вытегорские Кондуши, № 29.

²⁶ Там же.

²⁷ Рыбн. III, с. 65.

²⁸ Рыбн. III, с. 64.

Огнем-пламенем казалася,
На окошечко садилася,
Серой пташечкой казалася.

(74-6б; близ. вар. 74-18,
39; 73-13, 24).

В кондушской записи 1874 г. в причете с тем же зачином, что и у Трошковой («Обманули, облукавили»), невеста жалуется на расставание с волей в бане почти в тех же выражениях: «по полку воля бросалася, жарким веником казалася, а по лавочке бросалася, новой шаечкой казалася». Мотив этот здесь более развит: воля улетает «за синее за морюшко», садится «на суху горьку осинушку». В причитании в д. Аниенский Мост «воля уходит по улице горностаюшкой, по полю да белым заиньком, по лесу да черным вороном, по морю да серой уточкой».

Характерным мотивом «будильных плачей» Вытегорского региона является описание наступившего утра:

Время встать вам, пробудитися:
По деревням печи топятся,
По дворам да петухи поют,
По полям да пахари пашут.²⁹

Полно спать да высыпatisя,
Пора встать, да пробуждатися,
Петушки поют дворовые,
Птички-пташечки садовые,
У людей да печи топятся,
По чуланам девки моются.³⁰

Этот мотив, варьируясь, повторился в вытегорских записях 1954 и 1975 гг.:

Полно спать да высыпatisя,
Время стать да пробуждатися,
У соседа печка топится,
По трубам венки свибаются,
По чуланам девки крутятся,
На твою свадебку торопятся.

У соседей печи топятся,
По салям петушки поют.
(75-4).

(74-5)

Установление сходства и различия мотивов и образов могло бы быть продолжено на основании сравнительного анализа аналогичных по теме и месту в обряде причетов. Но и из приведенных примеров ясно, что разработка сюжета в региональных вариантах проявляется по-разному, причем устанавливаются вторичные типологические признаки в мотивах, образах, присущие Подпорожскому и восточной части Вытегорского р-нов, перекрещивающиеся передко около деревень Кондущи—Аристово.

Подобная картина наблюдается и при изучении отдельных словесных формул. Повторяются зачины соответствующих сюжетов причитаний «Обманули, облукавили» (74-6б; ср. причет в Кондушах с тем же названием). Формула «я не мылася не парилась» незначительно варьируется по всему Прионежью. В вытегорских причетах повторяется зачин «Охти мне

²⁹ Там же, с. 96.

³⁰ Минорский П. А. Вытегорские Кондущи, № 28.

да меня, бедиушку, по сегодняшнему деничку, по теперешнему времечку». Варьируются и формулы в середине текста. В Подпорожском р-не для характеристики невесты — «не змея ползет с чиста поля, не медведица со темна леса»; при передаче воли матери — «у тя плещеньки узешеньки, у тя силушка малешенька»; при передаче воли младшей сестре — «недорослой травиночке, недозрелой землянечке», — этот образ дополнен Трошковой: «недоросшей в поле ягодке, недозрелой землянечке, недоспелой земляниченке». Могут быть выделены и индивидуальные формулы-образы, присущие причитаниям одной исполнительницы, например «шитая шириночка, шита-брана скатереточка», «матушка я многодетная, головушка многокручинная», «лукавицы вы лукавые, вилявицы вы вилявые» (И. М. Трошкова). Как было сказано, большинство формул связано в данном регионе с определенной темой — приглашение в башню, возвращение из нее, передача воли, просьба благословить, моление, просьба к брату за-прячь коня. Однако все они все-таки сочетаются с элементами, своеобразными для каждого текста, более или менее ярко проявляются в зависимости от творческой воли исполнительницы. Ареал распространения определенных сюжетов причитаний шире, нежели образов и словесных формул, их составляющих, последние более типичны для одного или двух микрорегионов. Совокупность же всех названных элементов сообщает -причути поэтическое разнообразие при ритуальной заданности его темы.

Итак, можно сказать, что в районе южного Понежья и верхнего Присвирья на протяжении 100 лет существовала устойчивая фольклорная традиция, выразившаяся в бытовании определенных жанров фольклора (предания, плясовые и лирические песни, свадебный репертуар), в основной тематике обрядовых и необрядовых песен. Некоторые внутрилокальные различия, отразившиеся главным образом в наборе тех или иных песен (внутри одного круга) и в средствах поэтического выражения, только подчеркивают единство фольклорной традиции этого региона. Представляется важным и интересным сопоставление ее с фольклором других районов Русского Севера, в первую очередь с соседними традициями Пудожья и Заонежья.